

П.В. Тепляшин

кандидат юридических наук, доцент

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ (ЧАСТНОЙ ПРЕВЕНЦИИ) ПРЕСТУПНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ГАРМОНИЗАЦИИ ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

P.V. Teplyashin

Ph. D. in Law, Associate Professor

APPEARANCE AND DEVELOPMENT OF THE THEORY OF SPECIAL PREVENTION OF CRIME WITHIN THE FRAMEWORK OF SOCIO-LEGAL HARMONIZATION OF IMPRISONMENT

The paper studies the connection between the institutionalization of imprisonment and the development of special crime prevention theory. It analyses the role of the idea of correctional influence on the criminal person and of the socio-legal harmonization of imprisonment in the formation of the special crime prevention mechanism. The author reviews the origins of the correctional concept of punishment within the framework of lawfulness problems and social dynamics in the European society in XVIII-XIX centuries. The specifics of the state's punitive reaction to crime in the civilization development conditions are revealed.

The author draws the conclusion about the place of the prison as a state institution in the system of means for individual prevention of deviant and criminal behavior and post-penitentiary control. The dependence of the special crime prevention mechanism on the natural evolutionary harmonization and deformation of the legal form and the substance of criminal law measures (including imprisonment) is given scientific grounding.

Генезис идеи и практическое воплощение специального предупреждения (частной превенции) преступности неразрывно связаны с институализацией и естественной социально-правовой гармонизацией тюремного заключения. Так, в XVIII в. в Европе произошел кризис идеи традиционно жестокого и нарочито публичного наказания. Идея воздаяния трансформировалась и взяла за основу концепцию о необходимом равновесии между наказанием и гуманностью, устанавливающей ограничения пределов карательного воздействия и постепенно приобретающая исправительный смысл наказания.

В связи с этим ретроспективное исследование систем тюремного заключения приводит к выводу о том, что заключение в исправительное учреждение с одновременной изоляцией преступника от общества «как в более суровой, так и в более мягкой форме, сделалось центром существующих карательных систем и до сих пор удерживает это по-

ложение»¹. Данный вывод объясняется высоким карательным (репрессивным) эффектом тюремного заключения, способного лишать человека одного из его главных благ – физической (нередко и духовной) свободы, а также возможностью в рамках лишения свободы применения широкой гаммы средств и методов воздействия на преступника. Так, М.Н. Галкин в свое время указывал на то обстоятельство, что данное наказание «может быть применяемо с самой разнообразной продолжительностью и строгостью, смотря по преступности и развитию каждого, и которое имеет еще то преимущество, что дает наибольшую возможность исправить преступника»². Преимущество тюремного заключения перед всеми другими видами наказаний в силу его «постепенности» и «делимости», «устранения излишних мучений» и «хороше-

¹ Чубинский М.П. Курс уголовной политики. Ярославль, 1909. С. 429.

² Галкин М.Н. Материалы к изучению тюремного вопроса. СПб., 1868. С. 8–9.

го влияния на преступника» отмечал также Н.Д. Сергеевский. По мнению ученого, наказание в виде тюремного заключения вполне соответствует положению личности гражданина в современном государстве и современной общественной нравственности, поэтому оно «заслонило собою и смертную казнь, и наказания телесные, и наказания, направляющиеся на честь, и, наконец, все другие формы лишения свободы»³. Наука тюремоведения все более однозначно приходила к становившемуся непреложным выводу о том, что тюремное заключение в сравнении с иными наказаниями обладает наиболее широким спектром средств исправления, а рациональная организация тюремного дела позволит перевести в ранг исправившихся большую часть преступников. Не случайно известный английский исследователь проблем наказания Лайонел Фокс указывает на то, что впервые функции исправления осужденного были введены в тюрьмах⁴. Таким образом, тюремное заключение и исправительные учреждения оказались в центре внимания; стала бурно развиваться теория специального предупреждения преступности и парадигма научных исследований, преследующая главную цель – достижение должного исправительного эффекта.

Однако по ряду причин точным и понятным содержанием данная теория была наполнена не сразу.

Во-первых, реформаторы, занимающиеся пересмотром идеи наказания, критикуя традиционное наказание, отмечали его суровый и чрезмерный характер, хотя эти свойства уголовного правосудия, скорее, были обусловлены слабостью законодательной базы, неадекватной процессу стремительного развития общественных отношений, нежели желанием и возможностью власти жестоко наказывать. Данное обстоятельство вносило определенный диссонанс в формирование новой концепции наказания и предикативного научного осмысления специального предупреждения преступности.

Во-вторых, пересмотр всей теории уголовно-правовой системы происходил из-

нутри, т. е. в большинстве своем представителями самой системы – теми, кто был в состоянии понять механизм ее действия и внести определенные коррективы. При этом был неизбежен перенос центра тяжести с аппарата корпоративного правосудия на механизм относительно независимой публичной судебной власти, способной приблизить наказание к обществу, осуществлять карательное воздействие более равномерно (нивелируя сословное неравенство и иное социальное ранжирование), универсально (единообразно) и непреложно (без необоснованного вмешательства различных высших инстанций и в обход официального порядка).

В-третьих, перераспределение судебных и карательных функций с учетом общей теории договора привело к тому, что, нарушая общественный договор и совершая тем самым преступление, виновный, дисквалифицируя себя как правопослушного гражданина, по сути, становился врагом общества и одновременно участником применяемого к нему наказания. При этих условиях также осложнялось достижение работоспособности концепции о необходимом равновесии между наказанием и гуманностью, ведь механизм ее действия намного понятнее (хотя, может, и несправедливее) в случае, когда наказание зиждется на королевской (императорской) репрессии, нежели на ее обобщенной функции, соединенной со всем обществом и каждым его членом (индивидуумом). Более того, возмездие общества за преступление превращается в защиту общества, но также не менее грозное и суровое. Дозировать карательную компоненту наказания, найти адекватную меру репрессии в условиях полигамности душевных и умственных качеств индивидуума оказалось не так просто.

И в-четвертых, происходил лишь постепенный пересмотр смысла наказания с позиций профилактики преступности. Так, понимание новой идеи наказания осложнялось объяснением того, что в его жестокости рациональнее рассматривать не простой ответ на преступление и демонстрацию власти монарха, а, с учетом расчета последствий преступления, препятствие для его возможного прецедента. Ad locum следует заметить, что в эпоху становления исправительной концепции наказания правопорядку были противопоставлены фактические условия жизни

³ Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право: Пособие к лекциям / Предисл. автора. СПб., 1890. С. 191.

⁴ Fox L. W. The English Prison and Borstal Systems. London, 1952. P. 24.

значительной части европейцев XVIII–XIX столетий, характеризующиеся бедностью, неравноправием, и самым естественным образом приводящие к образованию бреши в правовой оболочке общественных отношений. Данную ситуацию отражают слова Э. Ферри, полагающего, что на протяжении XIX в. «места лишения свободы представлялись чем-то желательным для их обитателей, которые в настоящее время в суровую зиму, по очевидной и крайне опасной несправедливости, становятся предметом зависти для честного, бедного земледельца, прозябающего в своей хижине или даже для честного работника, еле укрывающегося от холода в бедном жилище»⁵. Законодательные предписания более страдали не от совокупности преступных посягательств, но в результате несоответствия «духа закона» социальным условиям. Ответная карательная реакция государства, в основе которой лежало наказание с ее просматривающейся исправительной сутью, зачастую оказывалась малоэффективным, если не бесполезным средством, перед лицом тех преступлений, которые совершались, по существу, на почве стремления человека к удовлетворению своих естественных потребностей (пища, кров и т. п.), в силу врожденных свойств человека к борьбе за свое существование. Следовательно, наказание отражало задачу исправления не самого «преступника», но фактически проблему реформирования всего общества с его экономическими недостатками и лакунами в процессе цивилизованного развития. Данная ситуация включительно до XIX столетия представляла сердцевину проблемы эффективного наказания и его исправительного эффекта.

Наказание в виде тюремного заключения также необходимо воспринимать с учетом вышеотмеченных обстоятельств. Более того, реформаторам и ученым было сложно добиться понимания смысла данного наказания (масштабов, глубины карательного воздействия, продолжительности) как меры средней между смертной казнью и наказаниями, не связанными с изоляцией от общества.

⁵ Ферри Э. Уголовная социология: в 2 ч. Ч. 2 / Пер. Л.В. Гольденвейзера, Г.Я. Зака, Н.А. Зак, О.В. Познышевой, В.П. Поливанова с 5-го французского издания 1905 г. / Под ред. С.В. Познышева. М., 1908. С. 373.

По сути, единообразность тюремного заключения за различные по своей степени тяжести и характеру преступления длительное время приводила к представлению о бессмысленной аллегории: «одно-единственное лекарство от всех болезней». Этот образ «разбивал» многие, в принципе, прогрессивные идеи, препятствовал их воплощению в жизнь. Однако достаточно быстро данное препятствие было преодолено с помощью карательно-исправительного феномена тюремного заключения в совокупности с прогрессивной системой исполнения наказания.

Тюремная система, отражая специфику тюрьмоведческой науки, поглощала систему размещения заключенных в местах изоляции от общества, зависела от социально-экономического и духовно-политического строя конкретного государства и включала определенные формы, средства и методы воздействия на осужденных с целью их исправления. При этом исправление, при всем многообразии подходов к определению данного термина, в целом воспринималось как насаждение и укрепление альтруистических, социально полезных мотивов (В.В. Пржевальский)⁶, преобразование преступника в безвредную для правопорядка и общества личность (Gross, Ahrens, Röder), «развитие чувства распознавания добра и зла, предостерегающего от возможных нарушений в будущем» (Steltzer)⁷.

Таким образом, лишь путем множества своеобразных социальных экспериментов и верификации вырабатывался принцип экономии наказания и идеальная мера (форма) его эффективных, справедливых и, следовательно, гуманных масштабов.

⁶ См.: Пржевальский В.В. Профессор Франц Лист и его основные воззрения на преступление и наказание // Сборник правоведения и общественных знаний / Труды юридического общества, состоящего при Императорском московском университете, и его статистического отделения. Т. 6. СПб., 1896. С. 106.

⁷ См. в кн.: Фалиев Н.И. Условное осуждение. Новая область его применения. М., 1904. С. 24–25. Собственно исправление представляет наполнение соответствующей теории наказания, которых всего в мировой уголовно-правовой мысли насчитывается более ста разновидностей, например, теория божественного возмездия, теория устрашения, теория психического принуждения Фейербаха, утилитарная теория Бентама, теория диалектического возмездия Гегеля, теория нравственного возмездия Канта, теория общего предостережения Бауера, теории России, Бернера и другие, сочетающие принципы воздаяния и полезности.

С развитием теории и практики в этой сфере стало признаваться наличие нравственного (реформирование духовной сферы преступника, приводящее к сознательной необходимости добропорядочного поведения и уважительного отношения к социально-правовым нормам) и юридического (формирование того понимания, что противоправное поведение крайне невыгодно с позиций неизбежного наступления негативных последствий такого поведения) компонентов исправительного воздействия. Тогда как уголовное наказание воспринималось как принудительное правоохранительное средство, заключающееся «в вторжении в сферу правовых благ личности»⁸, как нравственно законная мера, необходимая «для осуществления в общежитии (в государстве) всего возможного в данный момент прогресса, как мера психического противодействия деяниям (то есть устраняющая такое состояние психики преступника, которое угрожает повторным возникновением решимости совершить преступление), недопустимых с точки зрения общих интересов граждан»⁹. Из этого определения усматриваются исправительная и политическая цели наказания, однако в целом уголовно-правовая доктрина XIX в. еще не отказывалась от ее устрашающей (репрессивной) цели, которая постепенно трансформировалась в общую и затем частную превенцию. При этом ближайшей целью наказания по-прежнему оставалась общая превенция, которая при возрастании многофункциональности тюремного заключения несколько изменила форму своего проявления. Общая превенция социально опасных проявлений стала отражать исправительно-воспитательные механизмы воздействия на преступника на каждом условно выделяемом историческом этапе их применения (религиозная обработка осужденных, каторжный труд, прогрессивная классификация осужденных и т. д.). Карательный эффект тюремного заключения воспринимался через призму функционирования данных механизмов, неизбежные дефекты которых и изменяли форму проявления общей превенции. Постепенное

выдавливание (как представляется, этот процесс имел вполне волевой и сознательный характер) из пенитенциарной сферы издержек и «перегибов» тюремной практики приводило к поэтапному элиминированию превосходства общей превенции над специальным предупреждением. Данная тенденция осуществлялась на фоне научно обоснованного и криминологически значимого появления различных типов преступников и причин преступного поведения, приводила к настоящему и отчетливому проявлению цели специального предупреждения и в целом становлении теории частной превенции (в частности, появление борстальских тюремных заведений для несовершеннолетних, института probation, превентивного тюремного заключения).

Целесообразно обратить внимание на весьма интересные в этом плане рассуждения Иоганнеса Анденеса, который, сопоставив идеи некарательного воздействия на преступника и общего предупреждения, пришел к выводу о фактической нецелесообразности и бесполезности реализации первой в отношении многих категорий преступников (коррупционных, совершающих экономические преступления и т. п.). В этом случае, по его мнению, «основной целью вмешательства общества является формирование уважения к социальным нормам, а не исцеление индивидов от их асоциальных наклонностей»¹⁰. Вместе с тем целью такого «вмешательства» все также остается исправление преступника, но в юридическом смысле, когда осужденному фактически делается попытка внушить невыгодность для него преступать определенные социальные запреты. Безусловно, что, скорее всего, такое воздействие не сформирует нравственной потребности соблюдения социальных норм, но попытается выработать сдерживающий их в определенной мере механизм технического соблюдения. Таким образом, Анденес фактически не отказывается от именно исправительного воздействия на определенные категории преступников.

Не менее интересны исследования Марка Анселя, который концепции «социальной

⁸ Жижиленко А.А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств. Пг., 1914. С. 62.

⁹ Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права: (Общая часть уголовного права). М., 1912. С. 77.

¹⁰ Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений / Пер. с англ. В.М. Когана; Под ред. Б.С. Никифорова. М., 1979. С. 83.

защиты» отводил важную роль двигателя идеи «индивидуального предупреждения» и «исправительного воздействия» на преступника. Однако у Анселя данная концепция не в полной мере «вскрывала» соотношение между индивидуальной профилактикой и механизмом исправительного воздействия.

Таким образом, проведенное фрагментарное исследование роли тюремного заключения в становлении и развитии теории специального предупреждения (частной превенции) преступности позволяет сформулировать два основных вывода.

Во-первых, развитие уголовного правосудия буржуазных стран Европы начиная со второй половины XIX столетия, по сути, основывалось на завуалированной идее о том, что тюрьма, безусловно имея ряд недостатков, представляла собой своеобразный фильтр, позволяющий отсеивать от лиц, якобы исправившихся, более многочисленный, как представляется, массив лиц, потенциально способных вновь «оказаться за решеткой». Таким образом, смысл данного наказания заключается в осуществлении определенного контроля именно за второй категорией лиц, уже прошедших через механизм криминологической и уголовно-правовой оценки, тщательного изучения и скрупулезного судебного-правового и пенитенциарного учета. Вследствие чего скрытое назначение тюрьмы сводится к ее инструментальной функции, а различных тюремных проектов – к более глубокому изучению преступной личности, ее всесторонней и вместе с тем емкой регистрации. В дальнейшем открылись огромные и намного более полезные в сравнении с дефектами тюремного заключения возможности. Для уголовно-правовой юстиции XIX столетия открылись безграничные возможности не только по осуществлению индивидуально-профилактической работы с лицами, осужденными к тюремному заключению, и постпенитенциарного контроля за

освободившимися лицами, но и дистрибутивному руководству последними, появились реальные рычаги воздействия на них, методы их направления в русло менее опасных форм антиобщественного поведения (например, занятие проституцией), отделения от законопослушных граждан (в частности, образование своеобразных криминальных гетто, обязательство проживания в установленных местах), помещения в маргинальные социальные условия (например, внедрение полицейских осведомителей в низшие социальные слои) и формирования требуемых шаблонов социально-правового поведения личности. Тюрьма как специализированное государственное учреждение выступило инструментом для запуска механизма, обеспечивающего корректировку испорченной морально-нравственной матрицы личности осужденного, ее подведения под шаблоны социально-правового поведения, а затем «специализированное» существование бывших заключенных.

Во-вторых, для уголовной юстиции начала XX столетия (данная проблема актуальна и в настоящее время) оказалось очевидным, что многие преступники не поддавались ни нравственному, ни юридическому исправлению. Хотя несомненно, что идеи и практика специального предупреждения в рассматриваемый период еще находились в «зародышевом состоянии». Вследствие этого появилась новая задача, направленная не на «исцеление индивидов с их асоциальными наклонностями», а на «формирование уважения к социальным нормам». Система специальной профилактики преступности продолжает строиться, с одной стороны, на изменении сущности наказуемого элемента – действительно некоторой деформации правовой формы и сущности уголовно-правовых мер, включая тюремное заключение, с другой – их постепенной эволюционно-естественной правовой гармонизации.